

A man and a woman are standing on a balcony, holding hands and looking at each other. The man is wearing a blue jacket and the woman is wearing a brown coat. They are overlooking a coastal town with a church and a hill in the background. The sky is filled with dramatic clouds, suggesting a sunset or sunrise. The sea is visible in the foreground.

Лилит Шарм

ПРОТИВОТОКИ

18+

Лилит Шарм

Противотоки

«Автор»

2026

Шарм Л.

Противотоки / Л. Шарм — «Автор», 2026

Он строит жизнь по плану — чтобы хаос не смог его поглотить. Она собирает мир по кусочкам — чтобы не потерять себя в тишине. Курортный город, шторм, набережная и один кофе на двоих — так начинается история Романа и Кати: двух противоположностей, которым предстоит научиться слышать друг друга. Их путь — от страха быть непонятыми до смелости оставаться собой рядом с другим. Ссоры, признания, маленькие ритуалы и расстояние, которое не становится преградой. Это не просто история любви — это разговор о том, как два разных мира могут стать одним домом. Смогут ли они сохранить то, что нашли, когда курортный сезон закончится? И главное — готовы ли они к тому, что настоящая близость начинается там, где заканчиваются идеальные слова?

© Шарм Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лилит Шарм

Противотоки

Глава

Глава 1. «Первый узел»

Роман выбрал это время не случайно. Межсезонье на побережье — как пауза между аккордами: ещё тепло, но уже нет той оглушающей суеты, когда каждый метр пляжа занят телами, полотенцами и криками, а воздух пропитан кокосовым маслом и жареными креветками. Сейчас песок под ногами ещё хранил дневное тепло, но ветер уже нёс с собой соль и обещание вечера. Чайки кричали редко, будто тоже берегли голос. Прибой звучал ровно, без надрыва — как хороший, спокойный ритм, под который можно дышать. Именно за этим Роман сюда и приехал. За ритмом, который не требует ответа. Он расстелил плед, аккуратно, по линиям, чтобы края легли ровно. Поставил термос — в нём был его любимый чай, заваренный ещё дома по особой пропорции: не слишком крепкий, не слишком слабый, ровно такой, чтобы вкус раскрывался постепенно, как хорошая книга. Рядом положил книгу — не для того, чтобы обязательно читать, а чтобы она была. И блокнот. В блокноте был «план тишины» на три дня: «9:00–11:00 — пляж, без разговоров; 11:30–13:00 — прогулка вдоль берега, без спешки; 13:30–15:00 — обед, один, без соцсетей; 15:30–18:00 — чтение или просто смотреть на море; 19:00–21:00 — ужин, тишина». Он не шутил насчёт этого. Для Романа тишина была не отсутствием звука, а состоянием, в котором можно услышать себя. А он давно не слышал. Родители жили в гостевом доме неподалёку, и он специально выбрал пляж в десяти минутах ходьбы — достаточно близко, чтобы не волноваться, и достаточно далеко, чтобы никто не пришёл «просто поведать». Мама наверняка уже купила ему какой-нибудь тёплый свитер, хотя на улице было плюс двадцать пять, и папа наверняка пытался завести разговор про «когда же ты уже встретишь хорошую девушку», но Роман улыбался, кивал и уходил. Не со злостью, а с усталостью человека, который слишком долго объяснял одно и то же. Сейчас он сел на плед, вытянул ноги, прикрыл глаза на секунду. Ветер тронул волосы, море шептало что-то неразборчивое, и Роман впервые за долгое время почувствовал, как внутри что-то отпускает. Он достал блокнот, проверил план — всё шло по графику. Даже лучше. И тут небо будто подмигнуло. Воздушный змей взлетел над пляжем — ярко-оранжевый, с синими полосами, похожий на лоскут заката. Он парил уверенно, будто знал, куда летит, и на секунду Роман даже залюбовался: вот она, свобода — когда ты просто летишь, и никто не спрашивает, куда и зачем. Но ветер вдруг сменил настроение. Он не стал сильнее — он стал хитрее. Повернулся, скользнул под ткань змея, рванул её, и в следующую секунду оранжевый лоскут рухнул вниз. Прямо на Романа. Ткань накрыла его, как неловкое объятие. Он даже не успел ничего понять — только почувствовал, как мир на мгновение исчез, остался только шуршащий шёлк и запах моря, смешанный с чем-то сладким, будто карамель. — Ой! Простите! Простите, пожалуйста! — голос был звонкий, как колокольчик, и такой же неудержимый. Катя выскочила из-за спины Романа, метнулась к змею, попыталась стащить его, запуталась в стропах, споткнулась о край пледа — и тут же уронила сумку. Из неё, как из волшебного мешка, посыпались мелочи: маленький магнитик с видом города, блокнот с наклейками, конфета в блестящей обёртке, пара ручек, скомканный чек, ключи. Всё это разлетелось по песку, как улики чьей-то яркой, но хаотичной жизни. Роман сел, стряхнул ткань, посмотрел на этот маленький хаос и на мгновение замер. Его план тишины рассыпался быстрее, чем песок сквозь пальцы. — Простите, я не хотела, — повторила Катя, уже приседая и хватая всё подряд, не разбирая, что за чем. — Просто ветер... он такой странный сегодня, будто играет. Я думала, он поможет, а он... Она подняла на него глаза — боль-

шие, карие, с золотистыми искорками, будто в них застряли кусочки солнца. И улыбнулась. Не виновато, не заискивающе, а так, будто даже эта катастрофа была поводом для радости. — Зато теперь этот день точно запомнится! — сказала она, и в её голосе было столько искренности, что Роман почти улыбнулся в ответ. Почти. Он медленно поднялся, отряхнул песок с пледа, посмотрел на свой термос, на книгу, на блокнот с планом — и понял, что сейчас ничего из этого не имеет значения. Мир снова стал громким. — Давайте помогу, — сказал он, и сам удивился, как спокойно прозвучал его голос. Будто это не он только что потерял контроль над днём, а кто-то другой. Они стали собирать вещи. Катя хватала всё подряд и складывала обратно в сумку, Роман подбирал то, что падало мимо. Магнитик покатился к его ноге, он поднял его, повертел в пальцах — на нём был нарисован маяк, простой, но уверенный, будто говорил: «Я здесь, даже если ты меня не видишь». — Спасибо, спасибо огромное, — повторяла Катя, всё ещё немного задыхаясь от спешки. — Я вообще-то не такая неуклюжая, правда. Просто... я так хотела, чтобы этот змей полетел. Чтобы хоть что-то сегодня полетело. Роман посмотрел на неё внимательнее. В её словах было что-то, что зацепило его — не жалость, а какая-то тихая надежда, спрятанная за весёлостью. — Иногда ветер просто не на той стороне, — сказал он, протягивая ей магнитик. Она взяла его, прижала к груди, будто это был не кусок металла с картинкой, а что-то важное. — Да, — кивнула она. — Но зато он иногда приносит что-то хорошее. Например, новых людей. Роман чуть нахмурился, но не от раздражения, а от непривычки. Он не хотел новых людей. Он хотел тишины. Но в её улыбке было что-то такое, что не позволяло просто отвернуться. — Ну, я пойду, — сказала Катя, застёгивая сумку, но не двигаясь с места. — Ещё раз простите за змея. И за весь этот... беспорядок. — Ничего, — ответил Роман, и это было почти правдой. — Главное, что никто не пострадал. Она рассмеялась — легко, искренне, и этот смех, как волна, прокатился по пляжу, смывая остатки его раздражения. — Это да, — кивнула она. — Хотя мой змей, кажется, немного обиделся. Она махнула рукой, повернулась и пошла прочь, чуть подпрыгивая на каждом шаге, будто даже ходить спокойно было для неё слишком скучно. Роман смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри шевелится что-то странное — не злость, не усталость, а любопытство. Как будто он услышал слово, которое давно забыл. Когда она почти скрылась из виду, он опустил руку в карман — и нащупал там ещё один магнитик. Тот самый, с маяком. Катя не заметила, что он остался у него. Роман замер на секунду, потом посмотрел в сторону, куда она ушла, потом снова на магнитик. Вернуть? Догнать? Сказать: «Вы забыли»? Но что-то остановило его. Может быть, то, как она сказала: «Зато теперь этот день точно запомнится». Может быть, ему вдруг захотелось, чтобы этот день и правда запомнился. Не как нарушение плана, а как что-то, что изменило его. Он не вернул магнитик. Не сразу. Вместо этого он сел обратно на плед, налил себе чай, открыл книгу — но не читал. Просто сидел, чувствуя, как ветер играет с краем пледа, как море шепчет что-то своё, и как в кармане лежит маленький кусочек чужого счастья. Вечером, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в розовые и золотые полосы, Роман сидел у окна в своей комнате. Книга лежала перед ним, открытая на той же странице. Он не продвинулся ни на строчку. Вместо этого он достал магнитик, положил его на подоконник, потом взял в руки, повертел, посмотрел, как свет ложится на рисунок маяка. «Я здесь, даже если ты меня не видишь», — будто шептал он. Роман улыбнулся — впервые за день по-настоящему. И подумал, что, может быть, тишина — это не когда ничего не происходит. Может быть, это когда ты слышишь то, что важно. А завтра... завтра он не будет спешить с планом. Пусть ветер решает.

Глава 2. «Кофе не по плану»

Роман пришёл в кафе ровно в 9:00. Не в 8:58 и не в 9:03 — ровно. Это был его маленький бунт против хаоса: если уж нельзя контролировать всё, можно контролировать хотя бы время. Он знал это кафе: небольшое, уютное, с деревянными столиками, где бариста помнил постоянных гостей, а запах свежей выпечки смешивался с ароматом кофе и делал утро чуть добрее. Здесь у него был свой ритуал. Каждый день — один и тот же заказ: чёрный кофе, без сахара,

без молока, без лишних слов. Просто «чёрный, пожалуйста». И каждый раз бариста кивал, будто понимал: этому человеку сейчас нужно что-то простое, без сюрпризов. Сегодня Роман хотел, чтобы всё было как всегда. После вчерашнего на пляже он чувствовал себя странно — будто кто-то незаметно переставил мебель в его привычной комнате, и он ещё не понял, нравится ему новый вид или нет. Тот магнитик с маяком он положил на тумбочку у кровати, и весь вечер ловил себя на том, что смотрит на него. Не потому, что он был красивым — он был самым обычным сувенирным магнитиком, из тех, что продают в каждой лавке на набережной. Но в нём было что-то упрямое: маяк стоял, даже когда вокруг бушевал шторм. И вот теперь Роман стоял у стойки, привычным жестом поправил рукав свитера и спокойно произнёс: — Чёрный, пожалуйста. Без сахара. Бариста кивнул, начал готовить, и Роман уже мысленно поставил галочку: первый пункт утреннего плана выполнен. Он огляделся: в кафе было немногочленно, как и положено в межсезонье. У окна сидели родители Романа — мама листала путеводитель, папа что-то тихо ей рассказывал, время от времени поглядывая на дверь, будто ждал, что сын вот-вот появится. Они махали ему, он улыбнулся в ответ, но не подошёл: сегодня ему хотелось сначала просто выпить свой кофе и вернуть себе ощущение порядка. — И ещё один, — раздался рядом звонкий голос, который Роман узнал бы даже среди сотни других. — Только не обычный. Что-нибудь... с характером. С корицей, с кардамоном, с чем-то, что заставит меня проснуться не только глазами, но и душой. Роман медленно повернул голову. Катя стояла рядом, в лёгкой куртке, с шарфом, небрежно намотанным на шею, и смотрела на бариста с таким ожиданием, будто от этого напитка зависело, каким будет весь её день. В её глазах плясали искорки, а на щеке, когда она улыбалась, появлялась крошечная ямочка — та самая, которую Роман заметил вчера и тут же сделал вид, что не заметил. Он почувствовал, как внутри что-то дрогнуло — не раздражение, а что-то похожее на любопытство, которое он старательно прятал за маской спокойствия. — Сейчас сделаем, — кивнул бариста и, кажется, немного увлёкся: ловко взбивал молоко, добавлял специи, что-то шептал себе под нос, будто колдовал. Роман стоял рядом и чувствовал, как его идеальный, предсказуемый утренний план начинает трещать по швам. Он хотел отойти, занять столик, посидеть в тишине, но ноги будто приросли к полу. — Ты снова здесь, — сказала Катя, не глядя на него, но улыбаясь так, будто это была самая приятная случайность на свете. — Или это не случайность? Может, у тебя тут тоже есть план? — Есть, — сдержанно ответил Роман. — Но он не включает в себя воздушные змеи. Катя рассмеялась, и этот смех, лёгкий и искренний, будто разогнал остатки утренней прохлады. — Зато включает кофе. А кофе — это уже повод для знакомства. Меня, кстати, Катя. — Роман, — ответил он, и имя прозвучало непривычно — будто он впервые представил себя кому-то за долгое время. В этот момент бариста протянул им стаканы. — Вот, — сказал он. — Пряный латте с корицей и кардамоном. И... чёрный кофе. Только вот стаканы он перепутал. Роману достался пряный латте, густой, ароматный, с пенкой, которая пахла домом, специями и чем-то уютным, но совершенно не вписывающимся в его утренний ритуал. А Кате — чёрный, строгий, без единого намёка на приключение. Катя посмотрела на свой стакан, потом на Романа, потом снова на стакан — и вдруг рассмеялась так, что несколько посетителей обернулись. — Ну вот, — сказала она, протягивая Роману свой стакан. — Судьба решила всё за нас. Пусть будет приключение. Роман замер. Его первая реакция была простой и привычной: исправить. Позвать бариста, объяснить, что произошла ошибка, вернуть всё на свои места, чтобы день снова стал предсказуемым. Он уже открыл рот, чтобы сказать что-то вроде: «Давайте поменяемся», но смех Кати остановил его. В нём не было насмешки, только радость от самой нелепости ситуации. — Или... — Катя прищурилась, будто придумывала новую игру. — Давай не будем ничего менять. Пусть каждый попробует то, что ему не предназначалось. Вдруг это именно то, чего нам не хватало? Роман посмотрел на пряный латте в своих руках. Аромат корицы витал в воздухе, тёплый и настойчивый, и вдруг он подумал: а что, если сегодня можно не исправлять? Что, если можно просто попробовать? — Ладно, — медленно сказал он,

чувствуя, как внутри шевелится что-то новое, непривычное. — Пусть будет приключение. Они сели за столик у окна — не по инициативе Романа, а потому что Катя просто взяла два стакана и направилась к свободному месту, ожидая, что он последует за ней. И он последовал. Родители Романа сидели неподалёку и, конечно, всё видели. Мама улыбнулась, папа тихо хмыкнул: — Ты будто ожил, — сказал он, не скрывая удовольствия. — Ещё вчера ты был как камень: сидишь, смотришь на море, ни слова. А сегодня уже приключения с кофе. Роман хотел было возразить, сказать, что это просто случайность, что ничего не изменилось, но слова застряли в горле. Потому что, странно, но он и правда чувствовал себя чуть живее. Будто кто-то приоткрыл окно, и в комнату ворвался свежий ветер. Катя заметила этот обмен репликами, улыбнулась родителям Романа, кивнула им, как старым знакомым, а потом повернулась к Роману: — Так что, попробуем? — она подняла свой чёрный кофе, будто это был бокал шампанского. — За неожиданные повороты. Роман поднял свой пряный латте. — За... неидеальные дни, — ответил он, и в этих словах было больше правды, чем он хотел показать. Первый глоток оказался неожиданным. Корица, кардамон, сладость — всё это смешалось в тёплом потоке, который будто разбудил вкусовые рецепторы, давно привыкшие к привычному чёрному кофе. Роман на секунду замер, прислушиваясь к ощущениям. Это было... приятно. Неправильно, не по плану, но приятно. — Ну как? — спросила Катя, наблюдая за ним с тем самым любопытством, которое одновременно раздражало и притягивало. — Необычно, — честно ответил Роман. — Я бы не выбрал это сам. — А в этом и смысл, — пожала плечами Катя. — Иногда самое лучшее приходит не тогда, когда мы выбираем, а когда мир решает выбрать за нас. Она сделала глоток чёрного кофе и поморщилась: — Фу, это как глоток серьёзности. Никакой радости. Роман не смог сдержать улыбку. — Это мой обычный кофе, — признался он. — Я люблю, когда всё просто. — Просто — это хорошо, — кивнула Катя. — Но иногда хочется, чтобы мир подкинул что-то с корицей. Они замолчали на мгновение, и в этой тишине не было неловкости — только лёгкий шум кафе, звяканье чашек, приглушённые голоса, ветер, шевелящий вывеску за окном. — Расскажи про свои ритуалы, — вдруг попросила Катя. — Про то, как ты любишь, чтобы всё было просто. Мне кажется, в этом есть своя красота. Роман чуть нахмурился, не потому что не хотел рассказывать, а потому что редко говорил о таких вещах вслух. Но что-то в её взгляде — искреннее любопытство без осуждения — заставило его открыться. — Я планирую даже «ничегонеделание», — признался он, чуть смущённо. — У меня есть блокнот, где я расписываю дни: когда гулять, когда читать, когда просто сидеть и смотреть на море. Для меня это не ограничение, а... способ не потеряться в шуме. Когда всё расписано, я знаю, что у меня есть место, где можно выдохнуть. Катя слушала внимательно, не перебивая, и в её глазах не было насмешки — только интерес. — А я собираю мир по мелочам, — сказала она. — Например, каждый раз, когда приезжаю в новое место, я покупаю магнитик. Не какой-то особенный, а просто тот, который первым попадётся на глаза. Это мой способ сказать себе: «Сегодня хороший день, давай его запомним». Роман вспомнил магнитик на своей тумбочке и почувствовал, как что-то внутри него тихо щёлкнуло. — Тот, с маяком... — начал он, но тут же остановился, не желая признаваться, что оставил его у себя. — Ага, — улыбнулась Катя. — Он немного неуклюжий, но в нём есть что-то надёжное. Как будто он говорит: «Я здесь, даже если ты меня не видишь». — Именно так, — тихо сказал Роман, удивляясь, что они думают об одном и том же. Они снова замолчали, но теперь тишина была другой — не пустой, а наполненной. Будто они нашли общий язык, даже не говоря ничего важного. — Знаешь, — сказала Катя, глядя в окно, где ветер играл с вывеской, — иногда мне страшно, что моя энергия отпугивает людей. Что я слишком шумная, слишком яркая, слишком... много всего. Роман посмотрел на неё — на её искренность, на эту уязвимость, спрятанную за улыбкой, и вдруг понял, что хочет сказать ей что-то важное. — Ты не отпугиваешь, — тихо произнёс он. — Ты просто слишком яркая для моего режима «тишина». Но, знаешь, в этом есть своя прелесть. Как в пряном латте: сначала думаешь, что это слишком, а потом понимаешь, что

без этого уже не так вкусно. Катя улыбнулась, и на её щеке снова появилась та самая ямочка. Роман заметил её и тут же отвёл взгляд, будто увидел что-то слишком личное, слишком настоящее. — Спасибо, — тихо сказала Катя. — Это много значит. Они допили свои напитки — не идеальные, не привычные, но именно такие, какими должны были быть в этот день. Роман не спешил уходить, хотя его план предусматривал после кофе прогулку в одиночестве. А Катя не торопилась искать новых приключений — ей вдруг стало спокойно просто сидеть здесь, рядом с этим серьёзным, рассудительным мужчиной, который умел слушать. Когда они вышли из кафе, ветер встретил их по-новому: не как враг, сбивающий с ног, а как старый знакомый, который просто хотел поздороваться. Родители Романа помахали им, и мама улыбнулась так, будто уже знала что-то, чего не знали они сами. — Может, прогуляемся? — неожиданно для себя предложил Роман. — Не по моему плану, а просто... куда ноги приведут. Катя рассмеялась — легко, радостно, и этот смех снова прокатился по набережной, смывая остатки его сомнений. — С удовольствием, — сказала она. — Пусть сегодня ноги решают. И они пошли — не спеша, подстраиваясь под шаг друг друга, замечая мелочи: как падает свет на мокрый песок, как кричат чайки, как пахнет воздух после дождя. И в этот момент Роман понял: его план на день можно немного изменить. Ведь иногда самое важное происходит не тогда, когда ты всё контролируешь, а когда позволяешь миру удивить тебя.

Глава 3. «Маршрут по ошибке»

Роман шёл по набережной привычным маршрутом — не потому, что он был самым красивым, а потому, что был предсказуемым. Пляж, кафе, набережная, потом обратно к гостевому дому, чтобы успеть к тихому часу, когда город будто сбрасывает дневную суету и становится чуть более настоящим. В этом и была прелесть межсезонья: не нужно было никуда прорываться сквозь толпу, не нужно было искать «своё место» — оно само находилось, стоило только замедлиться. Он шёл, не торопясь, и чувствовал, как внутри понемногу возвращается то самое ощущение порядка, которое вчера на пляже чуть не рассыпалось из-за оранжевого воздушного змея и звонкого голоса. Сегодня он не искал встреч. Честно. Он даже специально выбрал чуть другой темп — чуть медленнее обычного, чтобы точно никого не встретить. Но в глубине души, где-то там, куда он редко заглядывал, шевелилось что-то похожее на ожидание. Не надежда, нет — просто лёгкое любопытство: а вдруг снова будет этот ветер, который приносит с собой что-то неожиданное? Набережная дышала морем. Ветер трепал ленты на прилавках сувенирных лавок, шевелил бумажные флажки, играл с прозрачными пакетами, которые продавец пытался аккуратно сложить. Витрины были полны ракушек, открыток, магнитиков, браслетов из камней — всего того, что люди покупают, чтобы увезти с собой кусочек места. Для Романа эти лавки были чем-то вроде музея мелочей: интересно посмотреть, но не хочется трогать. А для кого-то, он знал, каждая ракушка — это история. И тут он увидел её. Катя стояла у витрины с открытками, склонив голову набок, будто пыталась услышать, о чём шепчут картинки. Она водила пальцем по стеклу, останавливалась на одной, потом на другой, улыбалась чему-то своему, снова скользила взглядом дальше. На ней была та же лёгкая куртка, шарф теперь был повязан не небрежно, а как-то по-новому — будто она сама придумала этот узел и осталась довольна. Роман на секунду замер. Не потому, что не знал, что делать, а потому что вдруг понял: он не хочет проходить мимо. Не хочет делать вид, что не заметил. И это было странно — ведь он столько лет тренировался быть незаметным, растворяться в фоне, не создавать лишних волн. А теперь ему хотелось подойти. Просто подойти и сказать: «Ну что, нашла ту самую открытку?» Он подошёл. Не спеша, но и не затягивая, как будто боялся, что если будет слишком долго думать, то вообще не подойдёт. — Ищешь что-то особенное? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто это самый обычный вопрос, а не попытка зацепиться за разговор. Катя обернулась — и её лицо мгновенно озарилось той самой улыбкой, от которой становилось светлее даже в пасмурный день. — Привет! — сказала она так, будто

они расстались пять минут назад, а не вчера на пляже. — Да, пытаюсь. Знаешь, открытка — это как обещание. Ты пишешь на ней пару слов, отправляешь кому-то, и получается, что ты говоришь: «Я здесь, и мне хочется, чтобы ты это знал». Даже если это просто «Привет, тут красиво». Роман чуть улыбнулся. — Звучит... серьёзно для кусочка картона. — А он не просто кусочек, — возразила Катя, снова склоняясь к витрине. — Он кусочек дня. Вот смотри: на этой — закат над морем, на этой — чайка, которая будто смеётся. А вот эта... — она потянулась к открытке с видом старого маяка, похожего на тот, что был на её магнитике. — Вот эта мне нравится. В ней есть что-то... надёжное. Роман машинально протянул руку и чуть поправил стопку открыток рядом — они чуть съехали, и он хотел просто вернуть их на место, сделать так, чтобы всё было ровно. И в тот же самый момент Катя потянулась к той же самой открытке. Их пальцы почти соприкоснулись — и они оба отдернули руки, как будто испугались, что могут обжечься. Секунду они стояли, глядя друг на друга, а потом одновременно рассмеялись. Смех был немного неловким, но в нём не было напряжения — только облегчение от того, что это всего лишь открытка, а не что-то важное. — Прости, — сказал Роман, чуть хмурясь, но уже улыбаясь. — Привычка. Мне нравится, когда всё ровно. — Ничего, — ответила Катя, всё ещё смеясь. — Зато теперь мы точно знаем, что думаем об одном и том же. Она взяла открытку и повертела её в руках. — Хочешь, я тебе её подарю? Чтобы у тебя тоже был кусочек надёжности. Роман покачал головой. — Не надо. Но... спасибо. Мне приятно. Они снова замолчали, но тишина была лёгкой, не давящей. Рядом шуршали ленты, ветер приносил запах моря и чего-то сладкого — возможно, из соседней пекарни. — Знаешь, — вдруг сказала Катя, и в её голосе впервые прозвучала не весёлая бравада, а настоящая уязвимость, — иногда я боюсь, что моя энергия отпугивает людей. Что я слишком много болтаю, слишком много радуюсь, слишком... много всего. И люди смотрят на меня и думают: «Ну вот, опять эта шумная девчонка». Роман посмотрел на неё — на эту искренность, на то, как она не прячет свои страхи за шутками, а вынимает их и показывает, будто говорит: «Вот, смотри, это во мне есть, и я не знаю, что с этим делать». И он вдруг понял, что хочет сказать ей что-то настоящее, без красивых слов, просто правду. — Ты не отпугиваешь, — тихо сказал он. — Ты просто слишком яркая для моего режима «тишина». Но знаешь, в этом есть своя прелесть. Как в пряном латте: сначала думаешь, что это слишком, а потом понимаешь, что без этого уже не так вкусно. Катя улыбнулась, но на этот раз улыбка была не широкой и звонкой, а тихой, почти застенчивой. — Спасибо, — сказала она. — Это, наверное, самое приятное, что мне говорили про мою «шумность». Ветер вдруг принёс запах дождя — свежий, острый, будто город готовился к чему-то новому. Катя глубоко вдохнула и улыбнулась. — Обожаю этот запах. Он как обещание, что всё может измениться. Роман впервые заметил, как она «собирает» мир по деталям: по открыткам, по запахам, по случайным улыбкам прохожих. Для него мир был большим полотном, где важно было не запутаться в линиях, не потерять направление. А для неё он был мозаикой из мелочей, и каждая была важна. — Если хочешь, — неожиданно для себя предложил он, — можем пройти по моему маршруту. Там тихо, но красиво. Никаких сюрпризов, обещаю. Ну, или почти никаких. Катя прищурилась, будто проверяя, серьёзно ли он говорит. — Без сюрпризов? Это звучит... подозрительно. Но я согласна. Люблю, когда кто-то другой решает, куда идти, хоть ненадолго. Они пошли рядом, не касаясь друг друга, но подстраиваясь под шаг. Роман шёл чуть медленнее, чем обычно, чтобы ей было удобно. Катя не пыталась обогнать, не тянула его вперёд — она просто шла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на что-то: на ракушку у кромки воды, на тень от фонаря, на чайку, которая сидела на перилах и смотрела на них с видом судьи. — Смотри, — сказала она, показывая на тень. — Она похожа на корабль. Роман прищурился. — Или на облако. — Или на корабль-облако, — рассмеялась Катя. — Пусть будет так. И они пошли дальше, уже не споря, а просто позволяя миру подкидывать им маленькие чудеса. Набережная тянулась вперёд, перила блестели от влаги, витрины магазинов мерцали, как маленькие маяки. Ветер становился сильнее, но теперь он не сбивал с

ног — он будто подталкивал их вперёд, шептал: «Идите, идите, сегодня хороший день». Роман вдруг понял, что не смотрит на часы. Не думает о том, сколько времени осталось до следующего пункта плана. Он просто идёт рядом с девушкой, которая собирает мир по кусочкам, и впервые чувствует, что тоже может позволить себе не всё контролировать. Что иногда можно просто идти и смотреть, как тень становится кораблём. Когда они дошли до конца набережной, солнце уже стояло выше, и город окончательно проснулся. Где-то играла музыка, кто-то смеялся, пахло свежей выпечкой и морем. — Спасибо, — тихо сказала Катя. — За тишину. За то, что не торопил. Роман кивнул, не зная, что ответить. Но ему было приятно, что она это сказала. — Не за что, — ответил он. — Иногда тишина — это тоже приключение. Просто тихое. Они ещё немного постояли, глядя на море, на волны, которые накатывали и отступали, будто репетировали какой-то важный разговор. Потом Катя улыбнулась и сказала: — Ну что, куда теперь? Роман улыбнулся в ответ. — Куда хочешь. Сегодня маршрут — твой. И в этот момент он понял: его план на день снова изменился. Но на этот раз он не злился. Потому что иногда самое правильное — это позволить ветру решить, куда повернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.